

Автор:

Лузан Надежда

Руководитель:

Лузан Галина Владимировна,

учитель русского языка и литературы

Муниципальное образовательное учреждение

Средняя общеобразовательная школа №2 г. Черепаново

СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ – ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВИЧ ТЫЩЕНКО

– Доченьки, помогите мне, пожалуйста, – услышали мы с мамой, входя в электричку.

Мы обернулись на голос и увидели на платформе пожилого человека, в руках которого была большая и, по-видимому, тяжёлая сумка.

– Вот спасибо вам большое, – отреагировал он на нашу помощь, – дай вам бог здоровья.

Вагон был полупустой, и мы сели все вместе, как старые знакомые.

Сидя напротив дедули, я невольно стала его разглядывать. На вид ему было около восьмидесяти лет. Коренастая фигура. Крепкое сложение. Синие-серые глаза понимающие и добрые. Что-то ещё было в его глазах неуловимое, мне не очень понятное и оттого притягивающее. Лишь позднее мне стало ясно, что же я не могла уловить в его взгляде. Это и большой жизненный опыт, и нелёгкая жизнь, и горечь утрат, и маленькие людские радости и огорчения...

– А вы далеко едете? – спросил он, нарушая наше недолгое молчание.

Узнав, что мы едем до Новосибирска, он очень обрадовался.

– Ну, вот и хорошо, я раньше вас выхожу, вы уж помогите мне ещё разок. Сумка уж больно тяжёлая у меня. К дочке, к внукам в Искитим еду, гостинцы везу, да и не виделись давненько, соскучился. Дочка у меня одна мается, нелегко ей с четырьмя детьми. Живёт далековато. Остальные-то дети рядышком, в Черепаново живут. Сын на кирпичном заводе работает, а ещё одна дочка в «Теплосети». Вообще-то четверо детей у меня было. Одного сына уж давно похоронили, убило его конём.

Попутчик наш замолчал. Молчали и мы, не зная, что ему на это ответить.

Через некоторое время он заговорил снова:

– Да, нелёгкая теперь жизнь пошла, а всё эти демократы виноваты. Развели демократию. При коммунистах лучше жили...

В это время в вагоне появился мальчишка лет семи-восьми, в пальто с чужого плеча, давно немытый и нечесаный. Грязными руками он держал картонку с надписью: «Помогите, кто чем может».

Мама протянула ему несколько монет. Другие пассажиры тоже.

Когда мальчишка вышел в тамбур, наш сосед сказал:

– Вот и я когда-то таким же был. И голодный, и надеть нечего. Жили мы тогда в Ярках. Знаете такое село? Семья у нас большая была, шесть человек только детей. Три сестры и два брата у меня было. А родители больные. Отец парализованный. Мама слепая. Потому я в колхоз пошёл работать с одиннадцати лет, чтобы семью кормить. Я ведь самый старший из братьев и сестёр был. Нелегко мне было, да и не мне одному. Только-только всё обустроиваться стало, жить легче стало, война началась...

Некоторое время дедуля был погружён в свои мысли, видимо, что-то вспоминая. Я смотрела в окно, с нетерпением ожидала продолжения, но попросить о том не решалась.

Он заговорил сам:

– Меня забрали в конце сорок первого. Дивизия наша формировалась в Барнауле. Да, доченьки, 315 дивизия, седьмой отдельный батальон. Я это как сейчас помню. Три месяца проучился я в полковой школе, а в мае уж меня на фронт отправили. Прибыли мы в Камышев. Пешком шли под Сталинград. Сейчас это город Волгоград. Пять суток шли. А 27 августа был дан приказ идти в наступление на Котлубань.

В дороге нас обстреляли, в ход пошли самолёты. Только под вечер обстрел кончился.

Когда бомбили, всё гремело, было не так страшно. А страшно стало, когда наступила тишина. Было такое ощущение, что остался один, а всех убили. Затем понемногу стали подползать солдаты, всего набралось 28 человек. Никто не знал, что делать, ведь приказа отступить не было.

Утром опять продолжался обстрел, и так продолжалось трое суток. Мы всё это время не пили и не ели. К концу третьих суток мы отошли в балку. Выдали нам по булке хлеба и пшённой каши дали. Пополнения не было, а приказали идти правее Котлубани и там окопаться. Там мы пробыли четверо суток, потом нас отозвали назад. Позднее нам стало понятно, что это был отвлекающий манёвр. Туда же, на прежнее место, пришло и пополнение.

Потом была атака. Помню, как только я передёрнул затвор, как вдруг меня ударило в бок, и я упал. Ко мне подбежал мой однополчанин Цикашвили, оттащил в окоп и перевязал бок, а руку перевязать было нечем...

Электричка сделала очередную остановку. Вышли и вошли пассажиры. Я замечала это вскользь. Сидела притихшая, слушала. И не только я одна. Слушали рядом сидящие люди. Было тихо-тихо вокруг, а, может, мне это только казалось.

... – Тогда я пополз обратно. Недалеко от меня полз мой друг Лёша. Вокруг была сильная бомбёжка. Я крикнул ему, чтобы он полз левее, поближе ко мне. Но он не слышал, потому что был контужен. Рядом раздался сильный

взрыв, на меня полетели комья земли. Когда я отряхнулся, то увидел, что Алексея нет, от него просто ничего не осталось. Его разорвало.

Когда всё кончилось, я попал в санчасть, где меня перевязали и сделали заключение, что идти мне нельзя. Всех раненых, кто не мог идти пешком, погрузили на машины и повезли.

В госпитале меня прооперировали, потом переправили в Чистополь Татарской республики, а оттуда в Казань. В госпиталях я провёл четыре месяца. Вот так-то, дорогие мои...

Старик поглядел в окно.

– Вот уже и Ложок. Через две остановки будет Искитим. Я выйду, отдохнёте без меня, утомил я вас разговорами. А как зовут-то тебя, кареглазая?

– обратился он ко мне.

– Надя.

– Значит, Надежда. Красивое у тебя имя, русское. А я вот Василия. Дед Вася. Василий Фёдорович Тыщенко.

– Василий Фёдорович, а что после госпиталя было? Вы опять воевали? – несмело задала я ему вопрос.

– Нет, деточка, не воевал. Комиссовали меня, дали третью группу. Нерв локтевой у меня перебит... Пожалуй, на выход идти надо, к Искитиму подъезжаем.

Уже с платформы он сказал нам:

– Ну, до свиданья. Спасибо большое вам, что помогли.

– Да что вы, не за что. Счастливо вам дальше добраться!

Оставшийся путь до Новосибирска, как и до Искитима, пролетел незаметно. Я всю дорогу думала о нашем замечательном попутчике, о простом солдате Великой Победы. «Не за что было благодарить нас, дорогой Василий Фёдорович, – думала я, – это вам спасибо. Спасибо за вашу жизнь, спасибо за то, что вы для нас сделали. Спасибо!»